

Российская академия наук
Институт славяноведения

▲
Андрей Ганин

50 офицеров

Герои,
антигерои
и жертвы

▲
на историческом
переломе
1917–1922

Москва
2022

УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(2)612

Г19

Рецензенты:

д. и. н., в. н. с. Р. Г. Гагкуев (Институт российской истории РАН)

д. и. н., зав. отделом Е. П. Серапионова (Институт славяноведения РАН)

Утверждено к печати Ученым советом Института
славяноведения РАН (протокол № 1 заседания Ученого совета
Института славяноведения РАН от 22.02.2022)

Ганин А. В.

Г19 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922 гг. — Москва : Кучково поле Музеон ; Издательский центр «Воевода», 2022. — 704 с. : ил.

ISBN 978-5-907174-80-1 (Кучково поле Музеон)

ISBN 978-5-6047857-2-0 (Издательский центр «Воевода»)

DOI 10.31168/907174-80-1

В книгу доктора исторических наук А. В. Ганина вошли биографические очерки о пятидесяти офицерах, участвовавших в Гражданской войне по разные стороны баррикад — в рядах Красной, белых и национальных армий, а также о тех, кто пал жертвой террора в те сложные годы. Имена одних общеизвестны, о других знают лишь специалисты. Судьбы многих парадоксальны (от Маршала Советского Союза Леонида Говорова, служившего у белых, до белого генерала Якова Слащева, ставшего военным специалистом РККА), жизненный выбор и опыт каждого на изломе истории интересны. Исследование основано на уникальном документальном материале 36 архивов России и зарубежных стран — Великобритании, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Польши, Сербии, США, Украины, Франции, Эстонии, включая архивы спецслужб и семейные архивы потомков офицеров.

УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-907174-80-1 (Кучково поле Музеон)

ISBN 978-5-6047857-2-0 (Издательский центр «Воевода»)

© А. В. Ганин, текст, 2022

© ООО «Кучково поле Музеон», оригинал-макет, издание, 2022

© ООО «Издательский центр «Воевода», издание, 2022

Содержание

К читателю 10

30 Красные

Михаил Бонч-Бруевич

Путь непопулярного оппортуниста 32

Иоаким Вацетис

«Революционер в военном деле, большой самородок, талант в стратегии» 50

Владимир Гатовский

«Имеет основание считать себя ущемленным старым режимом» 70

Андрей Зайончковский

«Лукавый царедворец» между Николаем II и Лениным 79

Сергей Каменев

«Большевицкому правительству он служил так же честно, как царю и Временному правительству» 103

Семен Пугачев

«Сообщите семье... что я умер честным человеком перед народом и партией!» 114

Михаил Свечников

Четыре мифа о «первом начдиве-большевике» 126

Владимир Селивачев

«Политбюро Цека считает абсолютно недопустимым, что Селивачев остается... без особого надзора» 134

Владимир Скалон

«Я больше жить не могу...» 146

Андрей Снесарев

«С кем же страна останется, и что с нею будет?» 158

Михаил Строев (Рихтер)

«Мне удалось уцелеть... только благодаря совпадению случайностей» 165

Георгий Теодори	
«Он являлся безусловным идеологом сплоченной группы своих товарищей...»	176
Борис Шапошников	
«Один из порядочнейших офицеров»	189
Примечания	198

210 От красных к белым

Сергей Безобразов	
От красных к белым по «Крыше мира»	212
Леонид Болховитинов	
«Я не могу перенести потери Родины, семьи...»	219
Василий Котомин	
Понятый чужими, не понятый своими	232
Федор Махин	
«Я почувствовал, что так продолжать жить в России нельзя...»	249
Анатолий Носович	
Белый агент при Сталине	258
Иордан Пехливанов	
Сын Болгарии, герой России	266
Владимир Срывалин	
От работника Региструпра РККА до героя Парагвая	280
Николай Стогов	
«Уходили мы из Крыма среди дыма и огня»	292
Примечания	299

308 Белые

Борис Анненков	
Черная страница истории Белого движения	310
Андро Бакич	
Черногорец в степях	320
Арсений Житков	
Русский офицер, эстонский гражданин, английский шпион	329

Иван Зайцев	
Шестой побег колчаковского генерала	340
Борис Казанович	
Белый разведчик в красной Москве	348
Лев Канабеев	
Последнее письмо родным	360
Анатолий Келчевский	
«Его возмущали мертвая зыбь, бюрократизм и чуждая армии отсебятина...»	368
Александр Колчак	
О чем рассказал парижский архив вдовы адмирала	380
Герман Коновалов	
«Ему всецело был обязан Врангель своими успехами...»	392
Петр Махров	
«Мы... судьбой вынуждены были идти один против другого, как враги»	416
Федор Михайлов	
«Я не хотел принимать участия в подавлении этих рабов...» ...	424
Борис Ушаков	
«Человек юного жара, сильного размаха и твердого мужества...»	433
Василий Флуг	
Тайная миссия в Советской России	448
Примечания	464

476 От белых к красным

Филипп Богданов	
Метания уральского «Мелехова»	478
Леонид Говоров	
Белые страницы биографии	489
Иван Кашуба	
Расстрелянный ординарец Скобелева	502
Аполлон Крузе	
Колчаковский генерал с орденом Ленина	519

Виктор Оберюхтин	
«Хождение по мукам»	527
Яков Слащев-Крымский	
«Иду в атаку с семечками в руке»	538
Примечания	552

558 В национальных армиях

Сергей Дядюша	
Русский офицер в украинских декорациях	560
Николай Какурин	
«Мой протез верхней челюсти разлетелся у меня во рту вдребезги еще в конце 30 г.»	566
Всеволод Петров	
«Ненависть его ко всему русскому... не казалась искреннюю»	590
Александр Сливинский	
«Настал час возрождения России»	601
Константин Клещинский	
«Буржуазной Литве... не симпатизировал»	618
Вольдемар Озол	
Солдат пяти армий, узник пяти режимов	627
Примечания	636

642 В тисках террора

Георгий Деревянов	
«Предать суду ревтрибунала как элемента, стоящего на пути трудового народа»	644
Николай Зарин	
«Давно можно и должно было предпринять революцию...»	653
Николай Раша	
«На вопрос о том, как отношусь к большевикам, принципиально не отвечаю»	663

Алексей Эверт	
«Живу вне всякой политики, простым обывателем»	671
Примечания	680
Вместо заключения. Красные и белые	683
Избранная библиография	697
Список аббревиатур	699

К читателю

Книга, которую Вы держите в руках, не совсем обычна. Это сборник кратких жизнеописаний бывших офицеров русской армии, оказавшихся в водовороте Гражданской войны 1917–1922 гг. Речь идет о советских военных специалистах (так именовали бывших офицеров, поступивших на службу в РККА), их противниках из белых и национальных армий, а также о тех, кто за время конфликта успел послужить в нескольких противоборствующих лагерях либо не служил нигде, но оказался жертвой «русской Смуты».

Линии фронтов Гражданской войны разделили некогда единый офицерский корпус старой русской армии. В результате офицерство сыграло решающую роль в том конфликте, позволив всем его сторонам сформировать боеспособные армии¹. Тем важнее обращение к судьбам офицеров, изучение мотивации их выбора в переломное для страны время.

Порой выбор был сиюминутным, вынужденным или недостаточно осмысленным, а в большинстве случаев его не было вовсе, тем более что каждая из сторон проводила мобилизации². В то же время некоторые выбирали ту или иную сторону осознанно. Впрочем, и это не гарантировало ни успешной карьеры, ни благополучной жизни. Одни добросовестно служили, поднимаясь по карьерной лестнице, другие подвергались репрессиям, некоторая часть находилась в поисках и метаниях, переходя из лагеря в лагерь.

Имена некоторых героев книги широко известны (это Маршалы Советского Союза Леонид Говоров и Борис Шапошников, советские главкомы Иоахим Вацетис и Сергей Каменев, Верховный правитель России адмирал Александр Колчак, знаменитый белый генерал Яков Слащев), но о большинстве знают лишь специалисты, а жизнеописаний целого ряда офицеров до работ автора этих строк и вовсе не существовало.

Поразительно, как коротка человеческая память. В России нет ни одного серьезного монографического исследования жизни и деятельности советского главкома Сергея Каменева или создателя Красной армии Михаила Бонч-Бруевича, а третьему человеку в иерархии врангелевской армии генералу Герману Коновалову историки не посвятили ни одной статьи. Практически каждая биография в этой книге написана на основе архивных материалов и вводит в научный оборот прежде неизвестные данные. Вместе с тем книга близка к научно-популярному жанру. Автор будет рад, если такая работа привлечет интерес к теме и будет способствовать появлению новых исследований.

В ходе поисков автору довелось познакомиться с родственниками некоторых офицеров, любезно поделившимися материалами семейных архивов. В настоящее время потомки героев очерков проживают в самых разных уголках земного шара от Латинской Америки и Австралии до России.

Основу этой книги составили статьи, публиковавшиеся на протяжении многих лет в журнале «Родина», а также в других изданиях³. Источниковой базой послужили документы и материалы тридцати шести архивов России и зарубежья, в большинстве своем ранее неизвестные даже специалистам и вводимые впервые в научный оборот. Среди них особое место занимают документы архивов спецслужб и частных архивов потомков офицеров.

Выбор персоналий предопределялся авторским интересом к судьбам интеллектуальной элиты русской армии, офицеров Генерального штаба, на изломе эпох. При этом объективность требовала соблюдения пропорций количества представленных очерков между советским и противоположным ему лагерями. Очерки расположены по алфавиту фамилий в каждом разделе. Единственное исключение сделано для национальных армий, где тематически

объединена группа офицеров, служивших в украинских войсках, а два очерка об офицерах прочих армий приведены далее. Разумеется, жизненные траектории героев книги сложнее, чем варианты, вынесенные в названия разделов.

Многие из тех, кому посвящена эта книга, были людьми неоднозначными. В особенности полевые командиры Гражданской войны. При погружении в их биографии четкую грань между добром и злом провести бывает невозможно, а то, что, на первый взгляд, выглядит очевидным, в итоге оказывается гораздо сложнее. Например, зверски замученный интернационалистами на Байкале и героизированный белыми 29-летний подполковник Борис Ушаков представляется жертвой Гражданской войны. Однако открываем воззвание офицера до того, как он попал в плен к красным, и узнаем, что подчиненные Ушакова тех самых интернационалистов в принципе не брали в плен (насколько соблюдались подобные пропагандистские заявления, вопрос открытый). В таком контексте личность казненного выглядит уже иначе. Или полусумасшедший белый генерал-фанатик Яков Слащев-Крымский, который был известен своей беспощадностью к красным, но бросился спасать сдающихся в бою под Мелитополем с криком: «Это наши братья, не смей их рубить!» Эти примеры говорят о крайней зыбкости ярлыков в отношении участников тех кровавых событий.

Показательно восприятие тех или иных исторических фигур в современном обществе. Например, комментарии к авторской статье о выдающемся историке Гражданской войны Николае Какурине в сети «Facebook» в августе 2021 г. При заметном интересе к событиям прошлого, отзывы в основном были крайне политизированы и резко негативны в адрес этого человека трагической судьбы: «За что боролся, на то и напоролся»; «Поддержал бесчеловечную власть. Она его и отблагодарила по-своему»; «Как проститутка и с красными, и [с] петлюровцами... потом и тамбовских крестьян убивал, а дальше сел книжку писать» и даже «Бессмысленная жизнь, бессмысленная смерть», что отражает совсем уже обывательский взгляд. Особенное возмущение комментаторов вызывал факт участия Какурина в подавлении Тамбовского восстания в свете распространенных спекуляций на тему травли крестьян газами (для большинства комментаторов оказалось новостью, что по архивным исследованиям

последнего десятилетия газы против тамбовских крестьян не применялись, а единичные случаи использования химических снарядов не имели никакого эффекта). И хотя такая реакция ожидаема, она свидетельствует о поверхностном знании прошлого, политизированности суждений и укорененности исторических мифов. В то же время это показатель необходимости более активной просветительской и популяризаторской работы научного сообщества.

Многие герои книги сыграли заметную роль в событиях 1917–1922 гг. Среди них и видные белые подпольщики генералы Иван Зайцев, Анатолий Носович и Николай Стогов, и один из создателей системы советских военных округов генерал Леонид Болховитинов, разжалованный затем у белых в рядовые, и сменивший пять армий Вольдемар Озол, и дважды генерал колчаковской и Красной армий Аполлон Крузе, и болгарин, защитивший Петроград от немцев в начале 1918 г., Иордан Пехливанов, и многие другие.

О том, какой была типичная офицерская биография в то время, говорить достаточно сложно, ведь даже в рамках одного лагеря судьбы и карьеры офицеров существенно различались. Но большая совокупность биографий позволяет составить многомерное представление о разнообразных жизненных стратегиях офицеров на историческом перепутье и их участии в переломных событиях нашей истории, способствует написанию новой социальной истории Гражданской войны – истории этого конфликта в лицах.

К сожалению, в последние годы наметилась тенденция к упрощенному черно-белому восприятию событий Гражданской войны. В отношении роли офицерства основные споры разворачиваются в Интернете между нынешними последователями красных и белых и сводятся к бесконечному обсуждению, на чьей стороне оказалось больше офицеров, по каким причинам «бывшие» шли в Красную армию и кто был предателем – советские военспецы или белые офицеры. Чтобы показать сложность и неоднозначность вопроса о роли офицерства в войне 1917–1922 гг. и написана эта книга.

Остановимся на том, какие исторические мифы можно развенчать, обратившись к судьбам офицеров, участвовавших в «русской Смуте».

Прежде всего, хрестоматийный миф о том, что за белых воевали настоящие военные профессионалы, которых победили не знакомые с военным делом «комиссары в пыльных шлемах».

По различным подсчетам в Красной армии оказалось от 75 до 100 тысяч бывших офицеров, в том числе не менее 2500 бывших генералов и штаб-офицеров (т. е. полковников и подполковников).

Через белые армии могли пройти от 110 до 130 тысяч офицеров (в том числе до 90 тысяч через белые армии Юга России, порядка 30 тысяч через Восточный антибольшевистский фронт и не более 10 тысяч через прочие фронты). Не менее 27 тысяч прошли через национальные армии. Постоянно шла ротация через плен и дезертирство.

Можно сказать, что офицерству были ближе белые, поскольку Белое движение являлось офицерским в своей основе, у белых в большей степени сохранялись прежние порядки. Однако и в Красной армии на руководящих постах мы наблюдаем настоящих профессионалов своего дела. Военспецами с высшим военно-академическим образованием были все главнокомандующие советскими вооруженными силами, начальники Полевого штаба Реввоенсовета республики, Всероссийского главного штаба, более 52% командующих фронтами Красной армии, более 93% начальников фронтовых штабов, более 40% командующих армиями. Более высокого уровня военного образования в старой России просто не было.

Если говорить о генштабистах, то, считая по местам службы, на красных приходилось 39,7%, на белых 46,4%, на национальные армии 13,8%.

Разумеется, нужно учитывать и те колоссальные изменения, которые произошли в офицерском корпусе еще во время Первой мировой войны. Тогда русский офицерский корпус в результате семикратного увеличения утратил черты узкой замкнутой корпорации, свою относительную сословную и мировоззренческую монолитность и стал во многом соответствовать составу населения Российской империи. Появившиеся в сравнительно короткие сроки десятки тысяч прапорщиков военного времени производили на современников неизгладимое впечатление. «Раньше был я дворянином, звали все Володею, а теперь я прапорщик – ваше благородие!» – гласила распространенная сатира. Противоречия в офицерской среде лишь

усугубились, что, очевидно, увеличило глубину раскола офицерства в Гражданскую войну. Офицеры военного времени были гораздо хуже подготовлены к управлению войсками, чем кадровые офицеры, их сложнее отнести к военным профессионалам. Вполне естественно, в их среде было множество сторонников левых политических течений (например, первый советский Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко, а также С. Г. Лазо, И. Ф. Федько, Н. А. Щорс), и, конечно, такие люди позднее пополнили ряды Красной армии.

Офицерский чин – не индульгенция, и не всякий офицер – военный профессионал. Есть множество нюансов, и часто люди оказываются не на своем месте. Но для сравнения профессионализма командного состава сторон Гражданской войны очень ярким показателем являются расколотые семьи и разделившиеся элитные корпорации вроде генштабистов. Когда по разные стороны баррикад оказывались люди с одинаковым культурным и образовательным уровнем, боевым и служебным опытом. Например, офицерские семьи Махровых, Новицких, Свечиных, Сытиных и многие другие. Поэтому нельзя сказать, что дилетанты победили профессионалов. В каждом лагере были и те и другие, но советский лагерь был лучше организован, что и стало залогом успеха.

Второй миф о борьбе «поручиков Голицыных» и «корнетов Оболенских» на стороне белых с выходцами из простого народа у красных.

Ответ вытекает из разоблачения первого мифа. Действительно, если речь идет о семьях, разделенных фронтами, когда люди одного происхождения, образования, круга, образа жизни, имущественного положения оказывались по разные стороны баррикад, не приходится считать одного брата – аристократом, а другого пролетарием. Лидеры белых были выходцами из незнатных и небогатых семей. Генерал М. В. Алексеев был сыном солдата, генерал А. И. Деникин – сыном бывшего крепостного, генерал Л. Г. Корнилов – сыном младшего казачьего офицера. В то же время в Красной армии оказались некоторые представители старой родовой титулованной знати. Например, ответственные посты в красном флоте занимал бывший князь И. Г. Гагарин, а бывший князь Д. А. Мышецкий впоследствии дослужился в Красной армии до генерала, участвовал в создании легендарной

«Катюши». Если говорить об имущественном положении командного состава, то и у красных военспецов, и у белых офицеров в массе своей практически никакого имущества не было, люди жили службой и, как правило, ничего особенного в материальном плане не имели.

С кем же был народ? Этот вопрос не имеет ответа. Дело в том, что массовые мобилизации, проводившиеся всеми сторонами, уравнивали противников по социальному составу — попадание в ту или иную армию теперь зависело только от места жительства и от работы мобилизационного и репрессивного аппарата. Мы привыкли считать, что в противоборствующих армиях люди оказывались по причине каких-то своих убеждений, однако намного чаще это происходило вопреки им — по мобилизации. Ужас Гражданской войны как раз в том, что она в прямом смысле слова стала братоубийственной. При этом по разные стороны баррикад оказывались совершенно случайные люди, не имевшие каких-либо политических взглядов и стрелявшие друг в друга только в силу стечения обстоятельств и по приказу. С учетом частых изменений линии фронта порой это могли быть и близкие родственники. Степень заинтересованности рядовых участников конфликта наглядно демонстрирует массовое дезертирство и уклонение от службы на фронте как у красных, так и у белых, в том числе среди офицеров.

Третий миф — красный и белый лагерь всю войну не менялись по составу.

Принято считать, что в Гражданской войне красные и белые участвовали от начала и до конца. Если ты белый, то ты воюешь за белых и в 1917 г., и в 1918-м, и в 1919-м, то же и в отношении красных. Но это не всегда так. Все помнят классический литературный пример героя «Тихого Дона» Григория Мелехова, метавшегося между красными и белыми. В реальной истории таких людей с не менее сложными жизненными траекториями было много.

Например, из 65 авиаторов — георгиевских кавалеров Первой мировой, служивших у красных, 7 перешли на сторону белых, 2 — в национальные армии, 1 — к зеленым. Из 89 белых летчиков — георгиевских кавалеров 14 сдались красным и служили в РККА. Еще выразительнее статистика по военной элите — офицерам Генерального штаба. Из 1580 офицеров, пошедших к красным, не переходили

из лагеря в лагерь только 854. Таким образом, честно служили только красным лишь 54% попавших к ним генштабистов, то же касалось 52% денкинцев, 38,1% колчаковцев и лишь 22,1% пошедших в украинские войска. «Приливы» и «отливы» были связаны с обстановкой на фронте. Когда побеждали красные, эти люди шли к ним, когда брали верх белые — соответственно, к белым.

Гражданская война, если исходить из архивных документов, рисуется войной парадоксов. Схематично — это несколько идейно мотивированных и фанатичных групп, составлявших ядра противоборствующих лагерей — красного, белого и национального. Поразительны бескомпромиссность и самопожертвование наиболее мотивированных сторонников как красных, так и белых. Сухие цифры ярче всего об этом говорят — за годы войны погибли более 50 000 коммунистов, а в прославленных корниловских ударных полках белых на Юге России погибли свыше 13 000 человек, получили ранения более 34 000. Люди были готовы идти на смерть за свою правду.

При этом вокруг идейного ядра каждого из лагерей мы видим невероятное количество тех, кому или все равно, где служить, и они ищут выгоды и готовы в любой момент предать или просто устроились на содержание и отсиживаются в тылу (тогда таких называли «едоками»), или же их насильно мобилизовали, и они просто тянут лямку, стараясь не высовываться. И вот эти попутчики находятся в постоянном движении, перемещаясь в силу разных причин и обстоятельств между лагерями Гражданской войны. У советского писателя Б. А. Лавренева (в прошлом офицера Добровольческой армии и военного специалиста РККА) есть повесть «Седьмой спутник», по которой к пятидесятилетию революции был снят одноименный художественный фильм. Главный герой, бывший генерал и военспец РККА Е. П. Адамов, попав в плен к белым, отказывается у них служить. Осознавая, что подписывает себе смертный приговор, на вопрос белого офицера о том, кто же он, если не большевик, объясняет свою и других бывших офицеров роль в революционных событиях следующими словами: «Вы этого не поймете... не сможете понять... Когда огромное тело пролетает в мировом пространстве, в его орбиту втягиваются малые тела, даже против их воли. Так появляется какой-нибудь седьмой спутник...» И в этих словах много исторической правды. Среди подобных «малых тел» и многие герои этой книги.

Четвертый миф – военспецы в Красной армии служили под страхом смерти, а их семьи находились в заложниках.

Сегодня мы знаем, что основная масса бывших офицеров в РККА служила по мобилизации. Разумеется, были и комиссарский контроль, и принуждение, офицерство являлось одним из основных объектов красного террора. Восточная мудрость гласит, что человек может привести лошадь к реке, но и тысяча людей не заставит ее оттуда пить. Заставить человека добросовестно работать против его воли невозможно. Однако работали в большинстве случаев на совесть.

Что касается заложничества семей, то 30 сентября 1918 г. нарком по военным делам Л. Д. Троцкий издал приказ об арестах членов семей изменников из представителей командного состава РККА. В конце года, учитывая многочисленные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу и отметил, что ни одного ареста не произведено. Теперь требовалось превентивное выяснение семейного положения даже лояльных. Но это было непосильной бюрократической нагрузкой. Кроме того, борьба с семьями могла вызвать недовольство лояльных красным военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил – ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Все это, по-видимому, и привело к тому, что, несмотря на единичные случаи, на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России распространения не получило. Разоблачение этого мифа вытекает из предыдущего. Если бы существовала такая практика, сотни военспецов не перебежали бы от красных к белым.

Окончательно проясняет вопрос свидетельство Троцкого, оставленное им много лет спустя, уже в Мексике. Тогда он писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет... вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимые человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность»⁴. Таким образом, Троцкий уже более определенно высказался, что, несмотря на отдельные случаи арестов членов семей военспецов, по-настоящему серьезных репрессий в их отношении не практиковалось⁵.

Понятно, что одной подобной угрозы уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем ближайших родственников. В то же время слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Захваченные белыми военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не переходили к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья находилась в заложниках. Подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не особенно убедительны для белых, так как мемуарист приводит недовольный ответ опрашивавшего пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»⁶.

Наконец, пятый миф – идейный выбор и его последствия: белые предатели против красных предателей.

Нередко в полемике, в особенности в социальных сетях, звучат утверждения, что военспецы продались кайзеру Вильгельму, служили явным предателям и пораженцам. В ответ аналогичный довод, что предателями были не красные, а белые, продавшиеся Антанте и распродававшие страну иностранцам.

На самом деле все это лукавство.

Если говорить о белых и Белом движении, то это было движение патриотическое, под лозунгами защиты единства России. Не случайно белые оказались недоговороспособными с правительствами лимитрофных государств (тех, которые образовались на окраинах бывшей Российской империи), просто в силу того, что отрицали их право на существование после своей победы. Другое дело как получилось фактически. Иностранная интервенция действительно усилила размах Гражданской войны. После перелома в войне в пользу красных затягивание братоубийственного конфликта наносило существенный ущерб стране. Но тут встают вопросы об ответственности за развязывание Гражданской войны и о том, можно ли было ее в принципе избежать. И на эти вопросы, подходя объективно, невозможно ответить однозначно.

Что касается красных, то они действительно выступали под антигосударственными лозунгами в период Первой мировой войны, но были вынуждены, придя к власти, строить государство на традиционных принципах. Те, кто сражался на стороне красных,

придерживались самых разных взглядов, но явно предателями себя не считали. Многие бывшие офицеры просто по инерции служили в новой армии, как делали это всегда.

Более того, в 1920 г. красные приняли часть белой идеологии — стали собирать территории, отколовшиеся от России, чем приводили самих белых то в бешенство, что у них перехвачена патриотическая идея, то в восторг, что собирают страну.

Служивший на белом Юге полковник А. А. фон Лампе отметил в апреле 1920 г., что «большевики, боровшиеся за интернационал, идут дальше под нашими украденными у нас лозунгами, едут на нашей лошади, ведя за собой толпу во имя объединения России, сами стремясь к ее расчленению...»⁷ Но в последнем он ошибался.

Капитан-дроздовец Н. А. Раевский записал в дневнике в Болгарии осенью 1921 г.: «Ясно, что неудача в войне с внешним врагом (например, с Польшей) легко может привести к падению советской власти и нашему конечному торжеству, хотя сама по себе эта задача ни в коем случае не отвечает интересам России... Чувствую, что эта коллизия смущает многих наиболее интеллигентных офицеров, умеющих вдумываться в смысл событий»⁸. Как отмечал один из белых политических деятелей, масса белого офицерства выражала «пожелание большевикам победы над поляками, так как, мол, большевизм пройдет, а плоды его побед останутся для России»⁹. Более того, в белом Севастополе в 1920 г. даже провозглашались тосты за взятие большевиками Варшавы¹⁰.

О настроениях офицерства в то время красноречиво свидетельствует высказывание одного из военспецов после разгрома Деникина в кругу бывших офицеров, в том числе недавних белогвардейцев: «Нет, не деникинцы соберут русскую землю... мы соберем... Увидите, скоро пойдем за Грузией и Арменией»¹¹.

Похоже свидетельство белого офицера, захваченного красными в плен в 1920 г.: «Наполовину серьезно, наполовину шутя говорили в армии во время ожидания посадки на корабли в Новороссийске, что мы поменялись с красными ролями, и что они дерутся за “Единую Неделимую”, а мы, признающие всякие государственные новообразования, только вредим новым “Иванам Калитам”... Все это слышанное подкреплялось воззванием Брусилова, обращенным к нам»¹².

Как видим, между противниками по Гражданской войне довольно много общего. Сегодня, спустя сто лет после тех событий, важно относиться к ним как к нашей истории, а не «довоевывать» Гражданскую войну, как порой происходит, пусть и в словесных баталиях.

События Гражданской войны имели свое человеческое, личностное измерение, поскольку сама та эпоха связана с радикальным сломом старого и строительством нового, с бескомпромиссностью и жестокостью, с необходимостью делать выбор, который будет в дальнейшем предопределять всю жизнь человека и его окружения, причем нередко это был выбор без выбора. Поэтому далее речь пойдет не о глобальных процессах, а о том, чем оказалась та война для, в общем-то, обычных людей.

Революционный слом затронул все российское общество, но одной из наиболее пострадавших групп было офицерство. Интересно проанализировать выбор и проследить его последствия для тех, кто, имея общее офицерское прошлое, оказался по разные стороны баррикад. Люди делали свой выбор, исходя из множества обстоятельств и факторов. Кто-то строил карьеру, а кто-то просто выживал.

Свои среди чужих и чужие среди своих. Это, в том числе, и про офицерство в революцию и после нее. Оставшиеся после Гражданской войны на родине вынесли всю тяжесть и несправедливость карающей руки советской власти, порой шли на сделки с совестью, подвергались репрессиям и преследованиям. Эмигрировавшие из страны потеряли почти все: родину, свой дом, положение, имущество, профессию, привычный уклад жизни и круг общения, были вынуждены начинать жизнь с нуля.

Тектонический революционный сдвиг столетие назад затронул всех, меняя судьбы и жизни, а последствия мы ощущаем до сих пор... Сегодня сложно судить тех людей, оказавшихся в непростых жизненных обстоятельствах. Чей выбор оказался правильнее? Кто сделал лучшую карьеру и преуспел? Кто в большей степени сумел сохранить человеческое достоинство? А кто ради успеха или в целях выживания был готов переступить через все?

Ганин Андрей Владиславович

50 офицеров

Герои, антигерои и жертвы
на историческом переломе
1917–1922

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Кучково поле Музеон»

Дизайн-макет: *Марина Миллер*
Выпускающий редактор: *Александра Громыхина*
Корректор: *Нина Самбу*
Верстка и допечатная подготовка: *Борис Кащеев*

ООО «Кучково поле Музеон»
123376, Москва, ул. Красная Пресня,
д. 28, стр. 2, оф. 307
Тел.: +7 (499) 253-90-01; +7 (977) 331-71-10
E-mail: sales@svyazepoh.ru
[https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/
kuchkovo-pole-muzeon.html](https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/kuchkovo-pole-muzeon.html)

ООО «Издательский центр «Воевода»
127543, Москва, ул. Лескова, д. 13А, пом. 3П

Подписано в печать: 25.03.2022
Формат 60 × 90/16 (145 × 215 мм)
Тираж 1000 экз.
Заказ № ЧК-02228-22

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 270 73 59
sales@chpd.ru; www.chpd.ru